

ПИСЬМА П.А. КРОПОТКИНА

М.И. ГОЛЬДСМИТ, А.А. БОРОВОМУ и А. ШАПИРО

Предисловие и публикация С.Ф. Ударцева

Переписка П.А. Кропоткина — важный источник по истории российского и международного освободительного движения, истории политической мысли конца XIX — начала XX вв., истории анархизма. Среди писем Кропоткина особое место занимают его письма единомышленникам. В них наиболее полно и многогранно раскрывается личность учёного, революционера и теоретика анархизма. Некоторое представление об этом дают и публикуемые ниже письма видным деятелям анархистского движения М. Гольдсмит, А. Шапиро и одному из наиболее ярких теоретиков постклассического анархизма А. Боровому.

Первое из публикуемых писем адресовано Марии Исидоровне Гольдсмит (1858–1932) — доктору естественных наук, профессору Парижского университета, известному деятелю российского и международного революционного движения. В анархической печати Гольдсмит обычно выступала под псевдонимом М. Корн, Г-т М., М. Изидин. Последователь и друг Кропоткина, Мария Исидоровна переводила некоторые его произведения, около четверти века состояла с ним в переписке. Эта переписка содержит богатейшие сведения по истории анархистского движения конца XIX — начала XX вв., является важным источником для изучения творческой биографии выдающегося учёного и мыслителя.

После смерти Кропоткина Мария Исидоровна была членом-корреспондентом Музея П.А.Кропоткина в Москве для Франции, где она проживала.

В конце 1920-х гг. она надеялась подготовить за границей к изданию до сих пор не опубликованный второй том «Этики» Петра Алексеевича. «Осенью, — писала она Софье Григорьевне Кропоткиной 5 августа 1927 г., — займусь усиленно вторым томом. Это будет первая моя работа, а вторая — издание переписки Петра Алексеевича (письма к Граву, к Гильому и ко мне)» [1]. В октябре того же года она всё надеялась взяться за эту работу: «*Этику*ю заинтересовались, и издание (первого тома — С.У.) идёт хорошо. Буду приниматься за II т., чтоб поскорее выпустить» [2]. Однако по какой-то причине планы разрушились — возможно, потерялась рукопись. Косвенно об этом свидетельствует вопрос Гольдсмит в одном из писем Софье Григорьевне (письмо сохранилось не полностью): «Вы кому-нибудь ещё оставили рукопись? Где бы поискать?» [3]

Позднее, когда в 1931 г. Музей Кропоткина испытывал серьезные материальные затруднения, Мария Исидоровна, как она сообщала позже, 13 августа 1932 г., С.Г. Кропоткиной, «послала отчаянные письма во все концы «нашего» мира, особенно в Америку, конечно. Газета «Дело Труда» (она перешла теперь в руки Максимова) очень поддержала это и лично Максимов [4] тоже хлопотал... Теперь 5 групп установили ежемесячные взносы, что, в общем, обещает

давать Музею 218 долл. в год. А вчера получила письмо от секретаря одной из Чикагских групп, с известием, что специально созданный для этого комитет собрал за *июль* 25 долларов... [5]

В приводимом ниже письме без даты (ориентировочно оно может быть отнесено к периоду не позднее 1900-х гг.) речь идет об одном из эпизодов истории заговора против Кропоткина «Священной дружины» — аристократической организации, созданной в 1881 г. при Александре III для борьбы с революционным движением. «Дружина» имела заграничную агентуру и вынесла Кропоткину смертный приговор. Петру Алексеевичу об этом сообщил П.Л.Лавров. А Лаврова предупредил М.Е. Салтыков-Щедрин, узнавший о приговоре от М.Т.Лорис-Меликова. Письмо было начато Кропоткинским, но, поскольку, он почувствовал себя плохо, продолжение было записано под диктовку.

Письмо от 14 ноября 1913 года адресовано Алексею Алексеевичу Боровому (1875–1935) — русскому юристу, экономисту, социологу, историку, публицисту, исследователю и теоретику анархизма. В 1893 г. Боровой окончил юридический факультет Московского университета и после этого посвятил себя научно-педагогической деятельности (с 1901 г. он — приват-доцент Московского университета, преподавал и в других учебных заведениях). В 1905–1905 гг. он был в командировке во Франции и в Германии, где собирал материал по историко-правовой диссертации на тему: «История личной свободы во Франции». Вернувшись из-за границы, продолжил работу приват-доцентом Московского университета (1905–1911), читал лекции также в коммерческом училище, на женских юридических курсах. Большой успех имели его публичные лекции, принесшие известность среди либеральной и революционной интеллигенции. В 1906–1910 гг. он руководил издательством «Логос», где были изданы различные произведения теоретиков западноевропейского анархизма. В 1906 г. публикуется первая работа Борового, написанная о позиций анархизма — его лекция «Общественные идеалы современного человечества (либерализм, социализм, анархизм)». В 1910 г. издается его двухтомная (т.1 в двух книгах) магистерская диссертация «История личной свободы во Франции». Однако из-за явно необъективного отношения рецензентов Боровой забрал диссертацию из учёного совета и не стал её защищать в Московском университете. Вскоре, из-за политических преследований, он вынужден был выехать за границу с чужим паспортом и в 1911–1913 гг. жил в эмиграции в Париже.

Публикуемое письмо Кропоткина Боровому было написано в связи с появлением в московском журнале «Голос минувшего» (1913, № 8, август) рецензии А.А.Борового на книгу П.А.Кропоткина «La science moderne et l'anarchie». Paris: Stock, 1913. «Книга, — писал Боровой, — представляет выдающийся интерес, и не только по важности трактуемых автором проблем, но и благодаря личности самого автора. Прежде всего новая книга есть социально-философское *credo* одного из основоположников коммунизма, и в этом смысле в своей большей части является оригинальным, самостоятельным исследованием. Затем Кропоткин принадлежит к числу немногих в наше время исследователей, обладающих почти универсальной образованностью. Наконец, автор являет собой ещё более редкий тип научного исследователя, сумевшего сохранить к преклонным годам силу чисто юношеского энтузиазма, воспитавшего в себе истинно боевую натуру, не довольствующуюся

академическими компромиссами и исканием золотой середины, а страстно и с полной логической неустрашимостью защищающую свою правду» [6].

Наряду с «крупными достоинствами» книги Боровой признавал, что она имеет и недостатки. В числе других замечаний Боровой считал «слабым пунктом» исторической аргументации Кропоткина то, что он «почти не изучает, или не интересуется процессом внутреннего разложения тех обществ, которые представляются ему если не идеальными, то наиболее целесообразными». По мнению Борового, недостатком работы Кропоткина была также идеализация коммуны независимо от ступени ее развития и т.д. [7]

Кропоткин словно интуитивно почувствовал, что Боровой — новая восходящая звезда теории анархизма XX века. Поэтому он столь необычно подробно отвечает на критику молодого учёного, в чём-то порой даже оправдываясь.

Очевидно, контраргументы Кропоткина не убедили Борового. Позднее он не раз повторял основные свои аргументы в более поздних работах. Интуиция в этот раз не подвела Кропоткина (как подвела она его, например, за несколько лет перед этим в отношении к П.Д.Турчанинову). Боровой — один из выдающихся теоретиков постклассического анархизма. Основное опубликованное произведение Борового «Анархизм» (М., 1918) было посвящено П.А.Кропоткину, хотя по существу и подвергало ревизии его учение. Дружеские личные отношения Кропоткина и Борового сочетались с их взаимно критическим отношением к ряду идей друг друга.

Публикуемое письмо Кропоткина Боровому представляет большой интерес и как уточняющее ряд моментов во взглядах Кропоткина, и как источник по истории эволюции и самокритики анархического сознания. Это и документированный информационный импульс, нить, связывающая двух крупных теоретиков анархизма начала XX в., принадлежащих не только к разным поколениям, но и относящихся по своим взглядам к разным пластам исторически эволюционирующего анархического сознания.

Значительный интерес представляют и публикуемые ниже письма Кропоткина А.Шапиро («Сане», как его звали близкие друзья, отражая в этом имени его общительность, доброжелательность и свои симпатии к нему). Публикуются два письма — от 14.I.1916 г. и ориентировочно датированное 1920-м годом. Последнее письмо весьма ценно для исследователей политических взглядов Кропоткина, поскольку в нем затрагивается вопрос о судьбах, перспективах анархического движения, фиксируются некоторые черты предлагаемой Кропоткиным программы действий (что любопытно, в частности, и в свете последующей деятельности А.Шапиро и некоторых других представителей российской анархической эмиграции 1920–1930-х гг.).

Александр Шапиро — видный деятель анархического движения, друг П.А.Кропоткина. В августе 1907 г. на Анархическом конгрессе в Амстердаме он был избран секретарем Интернационального бюро. Проживая в Лондоне, являлся членом еврейской анархической группы, оказывал помощь заключенным и ссыльным анархистам в России. В годы первой мировой войны арестовывался в Англии за антимилитаристскую пропаганду, расходился с Кропоткиным во взглядах на мировую войну. В начале XX в. Шапиро был одним из издателей анархического журнала «Хлеб и Воля», выходившего в Лондоне. После 1917 г. — в

России, один из активных деятелей анархо-синдикализма (группа «Голос Труда»). В мае 1921 г. вышел из состава Комитета по увековечению памяти П.А.Кропоткина, не согласившись с планами С.Г.Кропоткиной не ограничивать Музей Кропоткина и деятельность Комитета только анархизмом. Он полагал, что Музей и Комитет должны быть делом анархистов «с единством взглядов и стремлений». Позднее, в середине 1920-х гг. — в эмиграции в Берлине, Париже, играл активную роль в международном анархическом движении. Поддерживал связи с анархистами в России (с издательством «Голос Труда»). Так, Шапиро непосредственно контактировал с теоретиками западноевропейского анархизма по поводу их участия в изданиях «Голоса Труда», высказывал из-за границы свои рекомендации по списку предполагавшихся выпусков книг анархо-синдикалистским издательством в СССР, вёл различные переговоры, связанные с издательской деятельностью, продажей литературы и т.д.

Публикуемые письма проливают свет на некоторые неизвестные эпизоды истории освободительного движения, свидетельствуют о большом историческом и современном значении переписки П.А.Кропоткина, более полное издание которой было бы значительным культурным и научным событием.

1. ЦГАОР, ф.1129, оп.3, ед.хр.150, л.25 об.

2. Там же, л.27 об. Кстати, после выхода «Этики» на английском языке в США газета «Рассвет» писала: «О пробуждающемся среди американцев интересе к книгам Кропоткина можно судить хотя бы по тому, что его последний труд — «Этика», недавно вышедшая на английском языке, продаётся по четыре доллара.

Четыре доллара — большая честь даже для такой ничем не заменимой книги, как «Этика».

Правда, книг Кропоткина нельзя ценить на доллары. Было бы даже лучше, если бы книги великого поборника свободы и справедливости продавались дешевле других книг (это была одна из насущных задач П.А.Кропоткина при его жизни). Но вместе с тем нельзя забывать, что мы живём к такому строю, где единственным мерилем ценности является доллар» (Рассвет. 1925. 7 фев. С.2).

Здесь и далее слова, подчёркнутые в оригинале волнистой линией, выделяются *курсивом*. Реже встречающиеся подчёркивания прямой линией выделены *полужирным курсивом*. Разрядка сохраняется. Пропущенные в рукописи слова и сокращения берутся в квадратные скобки. Квадратные скобки оригинала сохраняются, но оговариваются в примечаниях.

3. ЦГАОР, ф.1129, оп.3, ед.хр.150, л.28.

4. Г.П.Максимов, один из лидеров анархизма-синдикализма.

5. ЦГАОР, ф.1129, оп.3, ед.хр.150, л.38 об.—39.

6. Голос минувшего. 1913. № 8. С.276—277.

7. Там же. С.280.

1. П.А.КРОПОТКИН — М.И.ГОЛЬДСМИТ

9 Chesham Street,
Brighton

Передайте пож[алуйста] Бог-му, что М. действительно Мальшинский. В Женеве мы все узнали, что он имеет отношение к *Дружине*. И, когда я переехал [продолжение письма написано под диктовку] [1] в Тонон после изгнания, то помню, Елпидин [2] писал мне: «зачем это Иуда христопродавец ездил в Тонон?» — Под Иудой он понимал Мальш[инск]ого.

А через несколько дней случилось следующее, — ко мне приехал повидать меня корреспондент «Times», тот самый англичанин, которому я сообщил всё то, что знал о решении Дружины. Жены не было дома, она была в Женеве. Мы обедали вдвоем, когда к нам ворвалась хозяйка m-me Sansaux, та самая, которая потом так охраняла меня, о которой я говорю в моих мемуарах [3]. Она была очень взволнована: «Господин Кропоткин, идите послушайте, что говорит моя сестра. Она живет у Мальшинских [4] кормилицей или бонной при детях — и они хотят убить Вас!»

Я предложил корреспонденту выслушать эту сестру вместе со мной. Мы вышли в соседнюю комнату, кухню, где сидела молодая женщина, очень скромная.

— «Ну, вот, расскажи самому г-ну Кропоткину», горячилась хозяйка.

— «Что же рассказывать. Живу у Мальшинских при детях. Они зашли в детскую, говорят между собой, что трудно жить, а он говорит: «вот, погодите, убьют Кропоткина, 50000 получим»».

Мы задали ей несколько вопросов, она подтвердила свои слова, и я сказал корреспонденту: «прибавьте это к Вашим документам» [5].

Письмо посылается недописанным — П[ётр] Алексеевич простудился и слёг в постель, — у него, видимо, инфлюенция [6].

Письмо публикуется впервые по архивной машинописной копии (ЦГАОР, ф.1129, оп.2, ед.хр.47, л.27–28).

1. Приписка в письме.

2. Михаил Константинович Элпидин (1835–1908) — деятель российского революционного движения, в 1866–1906 гг. — владелец русской типографии в Женеве.

3. В «Записках революционера» Кропоткин вспоминал, что добрая хозяйка мадам Сансо, у которой жили Кропоткины, узнав о заговоре, окружила Петра Алексеевича «трогательной заботой. Домик её находился за городом, и каждый раз, когда я отправлялся вечером в город, — писал Кропоткин, — чтобы встретить жену на станции или за каким-нибудь делом, мадам

Сансо всегда находила предлог послать со мной своего мужа с фонарём» (*Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С.413*).

4. Здесь и ниже в рассказе женщин А.П.Мальшинский ошибочно назван в копии письма Мальчинским.

5. П.А.Кропоткин сообщил женежскому корреспонденту «Times» о заговоре, а также имена лиц, причастных к заговору против него, о которых ему стало известно. Он просил огласить факты и имена в случае, если с ним что-нибудь случится. Об этом же была помещена заметка в «Révolté».

6. Приписка в письме.

2. П.А.Кропоткин — А.А.Боровому

9, Chesham Street

Brighton

14 ноября 1913

Многоуважаемый А[лексей] А[лексеевич].

Прежде всего позвольте мне *очень* поблагодарить вас за разбор моей книжки в «Голосе Минувшего» (VIII. 1913) и за ваше симпатичное отношение к автору.

А затем, позвольте указать вам на маленькую несправедливость (в которой я сам виноват) по отношению к моим воззрениям на средневековые Коммуны и Государство. Из-за своих личных воззрений я не стал бы надоедать вам. Но мне сдаётся, что взгляд, кот[оры]й мне пришлось развить на средневековый город и Государство, важен для установления правильного понятия о Государстве; а это, вы тут конечно согласны — в высшей степени важно именно теперь.

Дело в том, что в книжке, которую вы разбирали, глава об Исторической роли Государства — перепечатка брошюры, изданной для пропаганды, т.е. в сущности — лекции, кот[орую] я должен был прочесть в Париже (меня арестовали в Булони, когда я высадился, и объявили декрет об изгнании); она напечатана была в виде 4–5 статей во французской газете, а потом издана брошюрой [1].

Писана она была для наших читателей — интеллигентных рабочих и, по необходимости, краткая.

Поэтому я не повторил в ней тех данных, которые излагал в своей книге, *Mutual Aid* («Взаимная Помощь», издание «Знания» [2]; другое русское издание — неточное), а удовольствовался ссылкой на эту книгу («L'Entr'aide» во французском издании) [3].

В *Mutual Aid* я остановился на причинах, почему Государство могло сравнительно легко покорить вольные народоправства свободных городов-общин.

Причины были разные:

1. В начале их освобождения (X^й и XI века в Италии, XII, XIII во Франции и Англии) община-город (Великий Осударь Псков, или Новгород, или Флоренция, или Венеция, или городочек... [забыл имя] [4] в Шотландии) сам вёл вывозную торговлю. Он посылал своих доверенных и когда он ввозил хлеб, уголь, товары и т.д. — он покупал ввозимое и продавал за свою цену своим гражданам (удержалось, для хлеба, в нек[оторых] Швейц[арских] городах — Цюрихе, напр[имер] — до 1848 года).

Личной торговли не было.

Только позже появились *libri mercanti* и т.д., которые сперва *прикладывали* свой товар к городскому (помните сказку о Whittington and his Cat?), а потом стали получать разрешение торговать лично; а позже сложилось в *Merchant Guilds* и стали главной силой в городе.

А когда Крестовые походы открыли «дальнюю» торговлю с востоком, а потом она завязалась с Африкою и Америкою, Купеческая гильдия стала заимодавцем — ростовщиком для города, его походов и колонизации, и его войн на востоке, а потом и между городами.

2-я крупная причина была следующая:

Вольный город был «оазис среди феодальной пустыни». Все кругом деревни были в крепостной зависимости! И вот на 200–300 [лет] Коммуна ведёт войну с феодальными владельцами за освобождение их крестьян. Ну, хоть Генуя или Флоренция. А история войн Флоренции за освобождение своего *contado* — такая прелесть (куда лучше даже Псковской летописи, а уж это ли не прелесть!), что из-за них одних стоит выучиться итальянскому языку.

Я рассказал, в *Mut[ual] Aid*, как это кончилось. *De gneise lasse* — кончили компромиссом. Дворян заставили жить внутри стен города — на пагубу городу.

Вот эти 200, 300 лет самая, м[ожет] б[ыть], интересная эпоха истории. Материалов множество, но она совсем не разработана нашими историками.

За то, что буржуа, вместо того ч[то]б стремиться расширить свободу, распространив её на деревню (так старались сделать многие города, напр[имер], Флоренция, но далеко не большинство), хоть ограничить её своими стенами и сами *норовили стать помещиками, эксплуататорами деревни* (урок *теперь* для нашего городского пролетарского движения) деревня отомстила городу. Она сплотилась вокруг короля. [Москва (кучка деревень) была опора нарождавшейся царской власти, которая не могла утвердиться ни в одном древнем вольном городе.

Тоже — Вестминстер и Лондон, Мадрид и т.д.] [4]

На сторону короля стали также богатые классы городов, с тех пор, как *личная* торговля сменила *городскую*, *личное* предпринимательство сменило *гильдию*, а независимость гильдии *dei arti minori*, «младших ремесел», не смогли одолеть (как одолели во Флоренции) гильдии старых ремесел (ювелиров, купцов и т.д.) ставших, кроме производителей, ростовщиками и

союзниками поселившихся в городах дворян, — что привело к царству Кондотьеров, князей и т.д.

Вкратце я все это указал *Mut[ual] Aid*.

Н[а]к[оне]ц, 3^я указанная мною причина — *изменение понятий* под влиянием **религии, учения Церкви** и ее сподручников *юристов*. X–XII века выдвигали личность, федерацию (свободный союз), договор, третейский суд. Позднее же, с XIII–XVI века вырастают подавление личности и всякого свободного союза, централизация, Коронный суд.

Очень хорошо указывать, насколько экономические условия влияют на выработку понятий. Т[а]к делал Бокль, так учил меня в Сибири ещё Щапов [5] («Скажите мне, какую ложкою ел мужик! Какую лопатою копал»), но объяснить всё экономикой — нельзя. И понятия средневековые изменились не одними экономическими отношениями. Нужно смотреть глубже [6].

К этим 3^м причинам нужно бы прибавить ещё несколько. Поэтому прошу вас заглянуть во «Взаимную Помощь». С такою радостью выслал бы вам надписанный экземпляр русского издания (в него вошли некоторые добавления), но того и гляди не дойдёт.

Нужно сказать, однако, что и в «Mutual Aid» я не использовал и половины имеющихся у меня материалов. Но *книг* я писать не мог, живя своим пером в Англии. Приходилось писать статьи — и то ещё счастье, что в James Knowles [7] нашёлся человек, заинтересованный моими взглядами и предложил писать для его *Nineteenth Century*.

«Взаимная помощь в Средние века» представляла две статьи, т.е. 40 страниц. Длиннее статей в английских *natural reviews* не полагается. Так они и вошли в книгу. Есть у меня целая картонка материалов преимуществ[венно] о средневековой общине, и я думал издать их в виде второго тома, как «Приложения» к «Вз[аимной] Пом[ощи]», Hachette [8] даже предлагал издать его. Но такие книги не оплачиваются, и мне пришлось засесть на 12 лет за статьи о *Recent Science* для *Nineteenth Century*. Материалы лежат, и, поди, уже устарели. Должны быть новые. А главное, есть работы *нужнее* в данную минуту. Хочется и тут набросать общую теорию, — придут другие, разработают полнее со временем. Сейчас я занят *Этикой*, и кончаю разработку одного небольшого для нее вопроса, — об относительной роли того, что Спенсер называл «Прямым Приспособлением» — т.е. Влияния Среды в эволюции организмов (Бюффон-Ламарковско-Дарвиновский фактор), и «Косвенного Приспособления», т.е. борьбы за существование внутри видов (Wallace'овский фактор и Дарвиновский — до разработки им «Изменчивости» (Variation).

Позвольте пожать вашу руку.

П.Кропоткин.

Извините, пожалуйста, маранье. Только сегодня встал из постели, после простуды. Если начну переписывать, не знаю, когда успею кончить.

Публикуется впервые по оригиналу, хранящемуся в ЦГАОР, ф.1129, оп.2, ед.хр.10, л.1–6 об.

1. Серия статей об исторической роли государства печаталась в парижской газете «Temps Nouveaux» в 1896–1897 годах. Отдельными изданиями вышла в 1898 г. в переводе на английский (*Kropotkin P. The State: its Historic Rôle. London: Freedom, 1898*) и на немецкий (*Kropotkin P. Die historische Rolle des Staates. Berlin: Grunau, 1898*).
2. См.: *Кропоткин П.А. [Взаимная помощь как фактор эволюции](#)* / Пер. с англ. В. Батуринского. Под ред. автора. СПб.: Знание, 1907; *Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб.: М.Д. Орехов, 1907*.
3. См.: *L'entr'aide, un facteur de l'évolution. Paris: Hachette, 1910*.
4. Квадратные скобки в рукописи.
5. Афанасий Прокофьевич Щапов (1831–1876) — русский историк, экономист, близкий русским революционерам-демократам 1860-х гг. Кропоткин познакомился с ним в Сибири, где проходил военную службу. Щапов был выслан в Сибирь в 1864 г. по подозрению в связях с А.И. Герценом и Н.П. Огарёвым.
6. Подробнее о взглядах Кропоткина на факторы, влияющие на историческое развитие, см.: *Ударцев С.Ф. П.А.Кропоткин. М., 1989. С.57-58*.
7. В «Записках революционера» П.А. Кропоткин писал: «Только два человека ободрили меня выступить против этого ложного толкования жизни природы. Издатель «Nineteenth Century» Джемс Ноулз (James Knowles) со своей замечательной проницательностью тотчас усмотрел важность вопроса и стал убеждать меня, с чисто юношеской пылкостью, взяться за эту работу. Другой был Бэтс (Bates), автор хорошо известной у нас книги «Натуралист на Амазонской реке»». (*Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С.465*).
8. Издатель книги П.А. Кропоткина «Взаимная помощь» на французском языке.

3. П.А.КРОПОТКИН — А. ШАПИРО

14.I.1916.

Милый Саня.

О вашем предположении издать «Альманах» я узнал только из письма М.И. [1], полученного дня четыре тому назад. Получив его, я сейчас же написал тебе.

Из твоего ответа я вижу, что мысль об издании Альманаха ты и твои товарищи оставили, и вернулись к вашей первой мысли издать сборник о войне и вы спрашиваете моего согласия на печатание этого сборника в типографии «Хлеб и воля», а также желаете, ч[то]б я дал статью для этого сборника.

Против печатания в нашей типографии — если ты, заведующий ею, согласен на это и берёшь на себя нравственную ответственность за содержание сборника, — я, конечно, не имею никаких возражений, с тем только, чтобы Сборник являлся не одним из изданий нашей

группы Х[леб] и В[оля], а был бы выпущен как издание вашей группы Лондонских анархистов, с обозначением лица, представляющего эту группу.

Что же касается до моего участия в этом Сборнике, то я безусловно от этого отказываюсь.

От симпозиумов, выпускаемых журналистами, которым нечего сказать своего, я всегда отказывался. А в нашей пропаганде я их считаю безусловно вредным, — как газеты без определённого направления [2].

Кроме того, в данном случае, то отношение к мировой драме, катастрофе, переживаемой Европой, которое приняли вы и которому вы собираетесь дать преобладающее значение в Сборнике, я считаю таким жестоким ударом, нанесенным *анархистам, как людям действия*, что от него наше направление долго не оправится.

Вы ждёте великих общественных движений по окончании войны, и некоторые из вас писали и говорили мне, что мы должны поберечь себя для революции. Но если такие движения вспыхнут — то кто же будет внимать голосу тех, кто не нашёл себе никакой активной деятельности, когда Европа переживала все ужасы теперешней войны?

Если в 1871-м году, по заключении мира в Париже взяло верх влияние революционеров, и вспыхнуло восстание Коммуны, то — только потому, что революционеры стояли в первых рядах для защиты Парижа и его революционных заветов от немецкого ига.

Анархистов же (кроме, конечно, наших французских товарищей) спросят: «Где вы были, когда мы отбивались от завоевателей? Чем проявили вы себя, когда миллионы людей в армии и вне армии, гибли в отчаянной борьбе против нашествия немцев на западную Европу? С кем были, по крайней мере, ваши симпатии. Ведь из Германии на Бельгию и Францию, на Париж с его революционными традициями, шли не немецкие пролетарии, которые несли бы освобождение от ига капитала и государства. Шли солдаты, гонимые немецким дворянством и капиталистами, «Велико-Германским» империализмом и обожанием всемогущего государства и шли они уничтожать не наследие рабского прошлого, а наследие трёх революций, пережитых Францией. Какие же вы, после этого, люди действия!», — вправе сказать вам и скажет народная масса.

Вот почему я безусловно отказываюсь поддерживать в какой бы то ни было форме направление, представляемое половиною сотрудников Сборника. Я считаю его вредным, и потому прошу ни строчки моего не включать в этот Сборник.

В заключение — практический совет.

Так как по военному времени можно предвидеть возможность ареста вашего Сборника, если военная цензура усмотрит в нем нечто подобное тому, что усмотрела в «*Forvard*»; и так как, по английскому закону о печати типографщик отвечает наравне с автором и издателем, то следует принять меры, чтобы всё имущество наших изданий не было конфисковано. С нашей типографией распорядятся бесцеремоннее, чем с *Forvard*.

Пишу это письмо *не для печати, а для тебя и Тани* [3]. Товарищам своим по группе можешь сказать, что я отказываюсь писать в Сборнике разношёрстных направлений, что такие

сборники я считаю вредными, они сбивают с толку людей, притом же не желаю возбуждать новых полемик между анархистами.

К[о]гд[а] бы ты ни приехал, всегда буду тебе рад. Обнимаю всех трёх.

П.К.

Публикуется впервые по рукописному черновику, хранящемуся в ЦГАОР, ф.1129, оп.2, ед.хр.185, л.3–10. В верхнем левом углу первого листа пометка рукой Кропоткина: «Копия. Письмо *личное* А. Шапиро. Ответ на письмо его от 11.1.1916”.

1. В начале января 1916 г. Кропоткин получил письмо от М.И. Гольдсмит. В ответном письме ей от 7 января 1916 г. Кропоткин писал: «Об Альманахе Шапиро ничего не слышал. Сейчас написал ему, спрашивая, правда ли. И кто собирается издавать? Какая новая группа?» (Chaiers du Monde Russe et Sovietique. 1981. Т.ХХII, № 2-3, Avr.-Sept. P.236. Публикация М. Конфино.)

2. Далее зачёркнуто предложение: «Они сбивают читателя и приучают его к нерешительности: «Принимая во внимание... однако же, впрочем» и т.д.»

3. Таня — жена А.М. Шапиро.

4. П.А. КРОПОТКИН — А. ШАПИРО

1920 г.

Милый Саня.

Спасибо, что отпустил к нам своих милых. Только погода хмурая и холодная. Ваша Леночка [\[1\]](#) — прелесть.

— Ты просишь написать статью для *Ежегодника*. Милый ты мой, — я чувствую, что жить мне не долго. Сердце плохо — заметно хуже, чем год тому назад — и постоянно напоминает, что надо кончать начатую работу по Этике. Она — тоже нужна. Выходит то, что было с Элизэ [\[2\]](#), со Спенсером и многими другими, с их последними работами. Значит — разбрасываться нельзя.

— Затем, я вот что думаю о двух темах, которые ты предлагаешь мне — кто бы по ним ни писал. По «Ан[архизм] и кр[естьянст]во» может писать только тот, кто живёт и работает с крестьянами: иначе выйдут общие места, кот[оры]х у нас уже не мало.

А на 2ю — «Возможно ли объединение анархистов всех учений в России?» следует прямо ответить — нет! Нежелательно и — невозможно!

Мы остались анархистами именно потому, что считаем нужным проводить в жизнь *свои* воззрения, что остаёмся самими собою, а не обезличиваемся: иначе давно были бы поглощены заговорщическим бланкизмом.

Если нам, старикам 70^x и 80^x годов, удалось создать анархическое *направление*, то только потому, что мы не обезличивали себя в угоду соседним социалистическим партиям и разным полубланкистским и полунечаевским отпрыскам. Живя среди них, мы вели свою линию.

Раз мы верим в истинность своих основных начал, мы должны верить в то, что вступая в действительную жизнь, *наше направление пройдёт красной нитью среди других направлений и будет благотворно, пока не выцветет.*

Поэтому мы держались товарищески по отношению к другим революционным социалистическим партиям. Не сходясь, например, с Народ[ной] Волей, или с франц[узскими] бланкистами, мы им не мешали полемикой. Не мешали и соц[иал]-дем[ократам], когда они не мешали революционерам. Но объединяться (к[о]гд[а] некот[ор]ые из нас это пробовали) ник[о]гд[а] не удавалось и не могло удастся. Неужели ты в этом ещё не убедился из наших грустных опытов? — Возьми одни «эксы», сиречь «аппроприации»!

— О составе предполагаемых сотрудников в «Ежегоднике» твой циркуляр ничего мне не говорит. Но, судя по тому, что говорит Таня, из этого разношёрстного сборища едва ли выйдет объединение. Только с толку будете сбивать молодежь. Вообще *электизм никогда ничего не создавал*, — *ни в анархизме, ни в философии Кузэна [3]*. Нас, в 80^x годах, он привёл к *Révolution Sociale* Serraux и Andrieux [4], а в России — к недавнему съезду Русс[кой] Анархической молодежи, т[о] е[сть] к сумбуру.

Я часто думаю, что если бы в мае 1914 г., когда уже можно было предвидеть, что неизбежная война приведёт к серьёзным событиям, — *если бы тогда нас составила маленькая, но тесно связанная, не разделённая взглядами на войну, анархо-синдикалистская русская группа, и издавала бы хоть ежемесячный листок*, — наша русская молодёжь, несмотря даже на некоторые успехи большевистской революции, уже теперь начала бы сплачиваться вокруг этого листка, для намечающейся предстоящей нам работы.

После неудачи государственного социализма, рабочим, и нам с ними, предстоит теперь крупная, глубокая, тяжёлая работа. Её придется вести во всех видах: сначала, может быть, если придёт глухая реакция, даже подпольно, а потом — широко, для серьёзной выработки анархического идеала: *20-й век должен будет выработать его по отношению ко всем отраслям общественной жизни*, и начать прилагать его, — взамен неудачного идеала социал-демократии, выработанного в 19^m веке как смесь из Бабефа, Пеккёра [5], Кабэ и их немецких последователей и плагиаторов.

По всей вероятности, ты именно эту работу имеешь в виду. Но начать её надо с новыми работниками. С теперешними нашими кадрами интеллигентов, уже имеющих, каждый, своё излюбленное воззрение, ничего не сделаем ни мы, ни кто-либо другие.

Выработка жизненного анархического идеала, в его приложениях к производству, потреблению, товарообмену и образованию, должна, и может быть сделана только в тесной связи с рабочей средою. Вот я читаю корректуры Хлеб и Воля [6], и всё время думаю: «Ведь это мысли юрцев, французских, бельгийских и испанских рабочих! — передуманные, связанные между собою мыслью? да! внушённые общею идеею анархии? — Конечно! Но претворившиеся в их умах под впечатлением *их реальной жизни*. Или, возьми доклад на

Лионском конгрессе французского рабочего... сейчас не могу вспомнить его имя, ... с которого Лагардель [7] ведёт родоначальную синдикализма. Ведь он написан был... мною! в Женеве. Но в нём так верно была высказана анархическая мысль, как она претворялась в умах людей, работающих в производстве, в рабочей среде, что она идёт за истинное выражение рабочей мысли. То же я сделал в New York'e, в 1897 г. в прощальной лекции рабочим союзам, развив идею Debs'a [8] о штате-коммуне.

Или ещё возьми Pouget *Comment nous feront la Révolution* [9]. Опять рабочая, — уже синдикальная (не единичная) — мысль передовых рабочих, верно изложенная интеллигентом.

Вот теперь, анархистам предстоит также изложить, *как анархическая мысль* претворилась в умах рабочих после теперешней неудавшейся попытки социальной революции на началах государ[ственного] коллективи[з]ма.

Сделать это возможно только в тесной связи с рабочими. Начать нужно не с кружка интеллигентов-анархистов. Боже избави! заразят и рабочих своими самолюбиями, а с 2–3^х, довольно тесно, вполне сговорившихся. И не с «литературы» надо начинать, от неё ещё надо воздержаться, а с душевных разговоров. И, сговорившись, надо сплотиться. Надо, **конечно**, искать единомышленников-интеллигентов. Но среди тех, кто, каждый, уже выступал, *вне связи* с общемою рабочею массою, со своей Specific sine, — искать нечего. Они помогут, может быть, потом, но лишь тогда, когда уже составятся новые рабочие и работающие группы (в том числе из некоторых кооператоров, которых я встречал, — из крестьян).

Рядом с этим, понятно, необходима и газета, отзывающаяся на текущие события (когда это можно будет делать) и широко осведомл`нная о том, что делается на западе.

Чего я особенно желал бы, это то, чтобы 3–4 из нас повидались бы с заграничными друзьями и синдикалистами и, выработав с ними очень общую программу, с нею уже в руках взяли бы за организационную работу в России.

С целью и с ясным представлением о грандиозности задачи: — создать такой же Интернационал, — анархический, крестьянско-рабочий, с такими же широкими целями, на основе повседневной борьбы с Капиталом, какой наши предшественники начали создавать в [18]60^х годах из разношёрстных элементов, уцелевших после разгрома 1848 г., и радикалов, народившихся под его влиянием.

Когда сможешь, приезжай да на 2–3 дня, потолковать обовсем этом со спокойной головой [10].

А пока, крепко тебя обнимаю.

П. Кр[опоткин]

Оригинал письма (рукопись П.А. Кропоткина на русском языке) хранится Отделе Рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (ОР ГБЛ) — ф.410, карт.12, ед.хр.44, и ошибочно значится как письмо Александру Моисеевичу Атабекяну. Действительный адресат — Александр Шапиро — устанавливается по характерному дружескому обращению «Саня»,

по содержанию письма (упоминанию родственников А. Шапиро, общих биографических фактов и т.п.), а также подтверждается найденным в ЦГАОР СССР (ф.1129, оп.2, ед. хр.185) черновым вариантом этого письма к А. Шапиро с указанием истинного адресата. Оригинал письма в ОР РГБ написан на семи листах, а лл.6–7 — с двух сторон листа. Листы ровные, без следов сгибов. Хранящийся в ЦГАОР СССР черновик письма является неполным, без крнца, и занимает лл.11–12 об. в указанном деле. На экземпляре ОР ГБЛ (это была окончательная редакция письма) имеется надпись П.А. Кропоткина карандашом на первом листе, в верхнем правом углу: «Неотправленное письмо». Настоящее письмо представляет особую ценность, поскольку оно, наряду с некоторыми другими работами 1920 года может быть отнесено к циклу «Завещание П.А. Кропоткина». А по степени откровенности и высказываемым соображениям об истории, перспективах и задачах анархистского движения в России и в международном плане, письмо уникально. Публикуется впервые в настоящем издании и одновременно в журнале «Вопросы философии».

1. Дочь А.М.Шапиро.

2. Элизе Реклю.

3. Виктор Кузен (Cousin) (1792-1867) — французский философ. Полагая, что все философские истины уже высказаны, считал задачей философии их критический отбор на основе «здорового смысла» и меняющихся требований жизни.

4. Имеется в виду французская анархистская газета «La Révolution Sociale», издававшаяся полицейским агентом Серро в сентябре 1880 г. — сентябре 1881 г. в Париже.

5. Константин Пеккёр (Pecqueur) (1801–1887) — французский социалист-эклектик. Разработал утопический проект «Государства-народа», сочетающий элементы сенсимонизма, фурьеризма и раннего (домарковского) коммунизма. Отвергая классовую борьбу, считал предпочтительным путь «ассоциации средних классов», объединения мелких производителей-собственников. Забытый при жизни П. привлёк внимание теоретиков правого крыла II Интернационала в конце XIX — нач. XX в.

6. *Кропоткин П.А. Хлеб и воля / Пер. с франц. под ред. автора. Пб.; М.: Голос Труда, 1920 (на титульном листе — 1919). Предисловие Кропоткина в книге датировано июнем 1919 г. Второе издание книги вышло в 1922 году.*

7. Юбер Лагардель (Lagardelle) (1875–1914) — французский политический деятель, теоретик анархо-синдикализма.

8. Юджин Дебс (Debbs) (1855-1926) — один из организаторов социалистической партии США.

9. Имеется в виду книга: *Pateau E., Pougé E. Comment nous feront la Révolution? Paris, 1911.* П.А.Кропоткин написал предисловие к этой книге. На русском языке книга вышла в 1921 году в издательстве «Голос Труда» (П.; М.).

10. Возможно, надеждой на приезд А. Шапиро объясняется то, что письмо осталось неотправленным.

